

— Нет, — Лин Цзыхань, всё так же крепко обнимая его и уткнувшись лицом в его шею, произнёс очень тихо. — Я должен пойти сам.

Вэй Тяньюй лежал на кровати, словно целуя его в мочку уха, и ответил так же, едва слышно:

— Почему? Это слишком опасно.

Лин Цзыхань спокойно сказал:

— Если бы тебя захватили, и ты, не сдаваясь, вдруг увидел, что какой-то незнакомец пришёл тебя спасать, что бы твоей первой мыслью было?

Вэй Тяньюй выпалил:

— Ловушка.

— Верно. Он ни за что не пойдёт с чужим, — Лин Цзыхань тяжело вздохнул. — Поэтому я должен пойти сам.

Вэй Тяньюй тут же всё понял:

— Ты его знаешь?

Лин Цзыхань слегка помедлил, но затем признался:

— Он мой друг. Мы выросли вместе.

В сердце Вэй Тяньюя шевельнулась горькая нота; он уже примерно догадывался, какие между ними отношения, но не стал расспрашивать дальше, а сразу сказал:

— Хорошо. Действуем сегодня ночью. Но Мерлин должен подойти, иначе тебе не выбраться.

— Знаю. Мерлин и остальные уже на месте, — Лин Цзыхань вспомнил, как в сумерках заметил среди деревьев переплетение изумрудной зелени и нежно-голубого. Для посторонних это были просто цвета листвы, но для них это был один из сигналов.

Они сохраняли близкую позу, касаясь губами уха друг друга, и говорили шёпотом — если бы за ними даже следили, ничего нельзя было бы разобрать.

Дверь здесь, как и в предыдущих двух секретных лагерях, тоже не имела замка — её можно было только притворить, но не запереть. Пока они подробно обсуждали план действий, дверь вдруг распахнулась. На пороге возникли Гусман и четвёртая жена, увидели их переплетённые на кровати фигуры и не смогли сдержать смешка.

Они поспешно разъединились и сели.

Вэй Тяньюй смущённо произнёс:

— Простите, мы немного увлеклись.

Но Гусман лишь улыбнулся:

— Ничего, ничего, это мы бестактно, подумали, вы ещё не спите, и забыли постучаться. Моя жена боится, что в горах прохладно, вы можете замёрзнуть, вот и принесла одеяло.

Укрывайтесь потеплее, простужаться не надо.

Та четвёртая жена, в удобной одежде от Armani, держала в руках шерстяное одеяло и мягко улыбалась.

Вэй Тяньюй поспешно поднялся, принял одеяло и очень вежливо сказал:

— Благодарю вас, госпожа.

Лин Цзыхань тоже встал и учтиво поклонился. Это был стандартный жест английского джентльмена, но, исполненный им молча, он смотрелся особенно изящно.

Гусман всё это время смотрел на них с нескрываемым одобрением и теперь участливо добавил:

— Вы сегодня тоже порядком устали. Хорошо отдохните. Снаружи всё спокойно, ничего не случится.

Вэй Тяньюй кивнул:

— Хорошо, и вы спокойной ночи.

Четвёртая жена нежно произнесла:

— Спокойной ночи.

Вэй Тяньюй тут же с предельной искренностью ответил:

— Спокойной ночи, госпожа.

Когда те удалились, Вэй Тяньюй закрыл дверь и сразу же погасил свет.

Ночь была беззвёздной и безлунной, и комната мгновенно погрузилась в полную тьму. Кругом стояла тишина, лишь шум дождя постепенно нарастал.

Под утро горные хребты в ночи едва угадывались, сливаясь с темнотой в частой сетке дождя; стояла такая тишь, будто это уже и не мир людей.

Погружённая в сердце леса деревушка тоже тонула во тьме — во всех домах свет давно погашен, люди спали, даже часовые на постах за долгую монотонность расслабились; ночной дождь нес пронизывающий холод, и их одолевала невыносимая усталость, некоторые уже дремали, обхватив автоматы.

И тут из леса бесшумно выплыла тёмная фигура, припала к земле в густой траве и поползла вперёд, затем, укрываясь за любыми возможными препятствиями, никого не потревожив, достигла большого дома в центре деревни и тут же, словно геккон, взобралась на стену. Грубая каменная кладка стала для неё лестницей; хоть под дождём она и была скользкой, это не составило помех.

На втором этаже она ухватилась рукой за оконную раму, напряглась — и всё тело легко взметнулось вверх, затем перекаатилось внутрь.

Когда Лин Цзыхань и Вэй Тяньюй бежали из того самого пещеры после боя, они не взяли с собой никакого багажа, и теперь у них был только один комплект одежды — его никак нельзя было промочить под дождём.

Пробравшийся внутрь Мерлин был тщательно загримирован Чжао Цянем — его лицо теперь в точности походило на лицо Лин Цзыханя. Правда, грим был нестойким: при ярком свете и вблизи можно было заметить подвох. Использованные материалы держались под водой, но не терпели спирта, скипидара и подобного — от этого они смывались. Разумеется, ночью это не имело значения: даже при свете ламп искусство Чжао Цяня было способно обмануть взгляд.

В группе «Охотники» Мерлин и Лин Цзыхань и вправду были похожи — и телосложением, и овалом лица. Хотя это было совпадением, оно очень пригодилось. Если того требовало задание, они подменяли друг друга, прикрывая напарника.

Мерлин, едва войдя, размотал чёрную ткань, обернутую вокруг пояса, и швырнул её уже ожидавшему у окна Лин Цзыханю, затем стал снимать свою промокшую насквозь чёрную одежду.

Лин Цзыхань был только в шортах. Он натянул принесённую чёрную футболку и грубые штаны, обул его ботинки и выскользнул в окно. Цепляясь за стену, он спустился вниз ещё проворнее и ловчее Мерлина, легко и бесшумно коснувшись земли.

Кроме шума дождя, мир был полон лишь тьмы и мёртвой тишины. Лин Цзыхань не стал терять ни мгновения, сразу пригнулся и помчался к хижине, где содержали Лэй Хунфэя. По пути он то и дело использовал другие постройки как укрытие, бдительно наблюдая за малейшим движением вокруг.

В комнате большого дома Вэй Тяньюй, увидев, как Лин Цзыхань скрылся в окне, тут же притянул раздетого Мерлина к кровати, улёгся на него и принялся раскачивать ложе, производя изрядный шум.

Через некоторое время Мерлин, подражая голосу Лин Цзыханя, глухо проговорил:

— Ладно, хватит...

Вэй Тяньюй принялся уговаривать:

— Ещё раз, всего один...

Мерлин, казалось, рассердился, голос его стал громче:

— Ты уже это говорил...

— Тсс, не шуми, — поспешно оборвал его Вэй Тяньюй.

Но Мерлин заговорил ещё громче:

— Тогда слезь, дай мне поспать.

Вэй Тяньюй тоже, видимо, вышел из себя:

— Сяо Цю, характер у тебя портится, теперь уже и на меня кричишь? Это ведь ты первым ко мне пристал, а теперь я хочу ещё раз — и ты отказываешь. Это ещё что значит? Хочешь порвать?

Мерлин, кажется, на мгновение опешил, потом пробормотал:

— Нет, я не это имел в виду... Просто это дело... если много... устаёшь...

— Не придумывай, я твои кондиции знаю, — Вэй Тяньюй фыркнул. — Так дашь или нет?

Мерлин вздохнул:

— Сначала воды попью.

Вэй Тяньюй раздражённо:

— Где тут в комнате вода? Ты специально, что ли?

Мерлин сказал:

— Я выйду, поищу, сразу вернусь.

Вэй Тяньюй повысил голос:

— Быстрее.

Мерлин надел камуфляж Лин Цзыханя, открыл дверь и, нащупывая путь, спустился вниз.

В главном зале спали управляющий Гусмана и несколько его подручных. Услышав шаги на деревянной лестнице и звук задетого стула, они проснулись. Управляющий включил настольную лампу и увидел, что спустился тот самый молодой человек, которого хозяин называл «Сяо Цю». Он поспешно спросил:

— Господин, что-то нужно?

Мерлин тихо ответил:

— Хочу воды.

Управляющий тут же поднялся, подошёл к столу в углу, взял термос и налил ему стакан.

Мерлин принял его, вежливо сказал: «Спасибо», — и повернул обратно наверх.

Едва он закрыл за собой дверь, почти сразу послышался нетерпеливый голос Вэй Тяньюя:

— Ну что, теперь можно? Воду выпил — теперь можно и делом заняться? Давай, иди сюда.

Вскоре в комнате раздался яростный скрип деревянной кровати.

В соседней комнате, кажется, донёсся сдержанный хихикающий смешок Эйлин.

В это же самое время Лин Цзыхань уже оказался возле той самой хижины.

Он несколько раз просканировал пространство внутри и снаружи с помощью миниатюрных инфракрасного и теплового детекторов в часах, подтвердив, что снаружи никого нет, а внутри, помимо всё ещё связанного Лэй Хунфэя, находятся двое охранников. Он подождал минут десять, но те не шелохнулись. Поняв, что они, скорее всего, спят, он решил действовать.

Словно призрак, он метнулся вперёд, мягко толкнул дверь и юркнул внутрь.